

Несовершенство учреждений: пандемия, сексуальность и общество

И.Ю. Романов

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии имени профессора И.Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса», редактор переводов книг М. Кляйн, Р. Хиншелвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке «Мелани Кляйн Троста».

В статье обсуждается ряд вопросов, затронутых в публикации М. Растина «Пандемия коронавируса и ее значение». Исследуется, как пандемия COVID-19 выявила неравномерность развития глобальной социальной системы и отдельных обществ. Значение психоанализа в исследовании общественных трансформаций заключается в возможности учета защитных и контейнирующих функций социальных систем, а также тревог, обнаруживающихся при их распаде. В качестве психического коррелята социальной функции контроля рассматривается Супер-Эго, а его современные трансформации исследуются на примере изменений в сексуальной этике и поведении. Анализ социологических работ о сексуальности обнаруживает недооценку позднего фрейдовского пересмотра теории Супер-Эго с точки зрения теории влечения смерти.

Ключевые слова: пандемия, сексуальность, вытеснение, контейнирование, психоаналитическая социология.

В своей знаменитой, во многих отношениях итоговой работе «Недовольство культурой» Фрейд указывает на три источника человеческих страданий: «всесилие природы, брэнность нашего тела и недостатки учреждений, регулирующих взаимоотношения людей в семье, государстве и обществе» (Фрейд, 1992/1930). Ситуации, подобные нынешней пандемии, вновь и вновь ударяют по нашему нарциссизму, напоминая, что человек не более чем «бог на протезах». Однако с учреждениями дело обстоит еще сложнее. Как пишет Фрейд: «Иным является наше отношение к третьему, социальному источнику страданий. Его нам хотелось бы вообще устранить, ибо мы не в состоянии понять, почему нами же созданные институты не должны служить нам скорее защитой, быть благодеянием. Действительно, стоит подумать, насколько плохо нам удалось

это убежище от страданий, как возникает подозрение, не скрывается ли здесь какая-то часть непобедимых сил природы, в данном случае свойства нашей психики» (там же).

Глубокая и стимулирующая работа Майкла Растина ставит перед нами ряд вопросов, во многих отношениях продолжающих это фундаментальное вопрошание Фрейда. Прежде всего я хотел бы поддержать заимствованную профессором Растином у Троцкого модель «неравномерного развития» в качестве характеристики современного общества – как глобальной системы, так и отдельных сообществ. Много лет назад харьковский философ, профессор А.А. Мамалуй назвал такое положение дел «пост-недо-модерном» (Мамалуй, 1996). Эту неравномерность пандемия и реакция на нее выявляют, действуя как пробный камень. Некоторые общества и общественные подсистемы показывают высокую эффективность, другие рвутся там, где тонко, или ломаются на местах стыков. (Замечу в скобках, что так же действуют и другие вызовы: климатический кризис, распространение наркотиков, проблема беженцев и т. д.) Профессор Растин иллюстрирует это примером распространения COVID-19: изначально переданный человеку, вероятно, на архаичных продуктовых рынках Китая, он приобретает затем характер пандемии благодаря ускорению глобальных контактов. Столь же быстро, можно добавить, передаются такие психологические реакции, как паника и отрицание, а вот разумные, контейнирующие противоэпидемические меры разрабатываются и распространяются намного медленнее. В конце концов оказывается, что нет четкой закономерности, какие общества лучше подготовлены к адекватной реакции на пандемию. Так, например, авторитарные страны могут пренебрегать опасностью для граждан ради сохранения экономического роста, но, с другой стороны, способны быстро реализовать карантинные меры, не оглядываясь на права человека и мнения граждан.

Майкл Растин тонко и разносторонне описывает реакцию на пандемию со стороны правительств, систем здравоохранения и различных социальных групп. Но уже здесь у меня возникает вопрос к тезису, с которого он начинает следующий раздел. «Вызывают и наиболее полно объясняют то, что случается с людьми в обществах, различия между этими обществами – но не наоборот: различия между людьми не вызывают и не объясняют наиболее полно то, что происходит с обществами». Думаю, данный пассаж является неким реверансом в сторону тех социологов, которые пуще огня опасаются психологического редуccionизма. Не совсем понятно при этом, чем социальный редуccionизм лучше – мы все, прошедшие советскую марксистскую выучку, знаем о нем не понаслышке. (Хотя, замечу, редуccionизм как таковой является неизменным спутником научного метода.) Впрочем, профессор Растин, написавший превосходный очерк об иногда продуктивных, а иногда противоречивых взаимоотношениях психоанализа и социальной теории, знает эту тему намного лучше меня (Rustin, 2016; Романов, 2006).

В недавнем интервью Ф. Фукуяма назвал три фактора, определяющие успех в борьбе с пандемией: дееспособность государства, доверие в обществе и правильные лидеры (Фукуяма). Я хотел бы задать вопрос: в каком

из этих пунктов отсутствуют психологические, или даже более узко, – психодинамические факторы? Если начать с конца, очевидно, что способность лидеров не отрицать опасность и принимать непопулярные решения – фактор психологический. И, как указывал Фрейд, наличие лидера отличает структурированную группу от регрессивной массы. Доверие и, я бы добавил, солидарность – факторы, безусловно, психологические или социально-психологические. Как можно объяснить, что в городе с переполненными больницами и доведенными до отчаяния медработниками люди отказываются носить маски в общественных местах? Конечно, можно вспомнить, что кризис доверия и солидарности – тяжелое наследие советской социальной атомизации. Можно подумать о презрении государства к человеческой жизни, транслируемом через поколения и становящемся межчеловеческой и внутриличностной аксиомой. Полезно указать и на способы оценки реальных и воображаемых рисков – умереть от болезни, утратить накопления и т. д., а также на исторический опыт, предопределяющий такую оценку. Однако, подойдя к вопросу с другой стороны, разве не люди создавали и поддерживали тоталитарную систему, а теперь – неопатримоналистское отрицание общезначимых, не узкогрупповых институциональных правил и ограничений? Наши общие пространства – подъезды, дороги и т. д. – представляют собой удручающие свидетельства слабой способности к коллективному действию и продолжающегося пренебрежения индивидов и групп общим благом. Нет ли здесь возможности задуматься также о защитной функции тех форм социальной организации, которые заменяют в нашем обществе более сложные институциональные и правовые формы?

И тут мы подходим к первому из указанных Фукуямой факторов – дееспособности государства. Думаю, здесь уместно вспомнить Дугласа Норта с его теорией естественного государства и порядка открытого доступа (Норт и соавт., 2011). Нам, живущим по этой классификации где-то на границе хрупкого и базисного естественного государства, рассуждения Норта могут быть весьма полезны. В его теории переход от примитивных к более сложным формам социальной организации не предопределен. Однако указываются пороговые условия для таких переходов: контроль насилия со стороны государства, распространение права на всех членов общества, безопасность перехода для элит и т. д. В поздних исследованиях Норта и его соавторов подчеркивается трудность переноса институтов открытого доступа в общества с естественными государствами (Норт, 1997; Норт и соавт., 2011). Мы ощущаем эти трудности, наблюдая, во что превращаются борьба с коррупцией, конституционное судопроизводство или медицинское страхование в условиях нашей страны. Объяснение этой ситуации Нортом кажется мне весьма близким к теории социальных защитных систем (Jaques, 1955; Armstrong and Rustin, 2014). Социальные практики и правила поведения обществ ограниченного доступа доказывали свою эффективность на протяжении тысячелетий. Они включают корпоративную этику, доминирование одной группы над другой, привилегии и ограничения, что с точки зрения системы открытого доступа выглядит как коррупция, nepotизм, ограничительное

право... С психоаналитической точки зрения мы можем говорить о механизмах расщепления и проекции, в основном направленных на предотвращение неконтролируемой деструктивности и фрагментации общества. Учет этой защитной функции способен объяснить как минимум два явления. Во-первых, регрессию к примитивным формам организации «неравномерно развитых» обществ в условиях реальных (или воображаемых) угроз, к которым относится пандемия COVID-19, но также война, экономический кризис и т. д. (возможно, общества и группы бессознательно «выбирают» тот вид угроз, который, по их опыту, кажется им более угрожающим, и/или защиты, которые привычны). Во-вторых, можно лучше понять ригидность таких защитных систем и восприятие попыток реформирования как возвращения к примитивным тревогам, от которых защиты были возведены.

Можно сказать, что и в естественных государствах, и в обществах открытого доступа социальные порядки призваны выполнять контейнирующую функцию. При этом грань между защитой и контейнированием представляется мне достаточно подвижной (недаром английский глагол *to contain* охватывает спектр значений от военных действий до смыслообразования). То, что в одних условиях будет контейнирующим, например расщепление, проекция, идеализация и жертвенность во время войны, в других может оказаться защитным не только в смысле ограждения от тревог, но и в смысле тормоза развития (как военная идеология в условиях мира). И далее защитные системы могут быть нацелены на самовоспроизводство посредством постоянной стимуляции и симуляции угроз и преувеличения своих выгод, зачастую перверсивным образом (*Rosenfeld, 1971; Joseph, 1997*).

От чего зависит, что в разных обществах люди предпочитают одни защитные/контейнирующие структуры другим? В какой мере причины этого лежат в социальных, исторических, экономических обстоятельствах, а в какой – в индивидуальных и групповых психодинамических факторах? Полагаю, это огромное поле для исследований, многие из которых уже были проведены (в частности, можно вспомнить работы Г. Дикса и Р. Мани-Керла об условиях успеха национал-социализма в Германии (*Dix, 1973; Money-Kyrle, 1951*)). Отмечу лишь, что одним из наиболее важных мне представляется вопрос об укоренении социальных структур в индивидуальной психике и их новом воспроизводстве. Как писал Э. Дюркгейм, «поскольку общество в отношении к нам расположено трансцендентно, оно ведет себя по отношению к нам имманентно, да и познаем мы его именно таковым. Оно проходит над нами и одновременно живет в нас, так как иначе оно и существовать не может, как только в нас и посредством нас. В определенном смысле обществом являемся мы сами, причем наша лучшая часть» (*Grinberg et al., 1957*). Это довольно точно совпадает с тем, что писал Фрейд в «Психологии масс и анализе Я», когда утверждал, что «в психической жизни человека всегда присутствует другой» и потому индивидуальная психология всегда также является психологией социальной (Фрейд, 2008/1921). Социальные агенты такой передачи от общества к индивиду – семья, системы воспитания

и т. д., – а также внутриспсихические структуры, воспринимающие такие воздействия, как Супер-Эго, Идеал-Я и др., представляются мне чрезвычайно интересными предметами совместного психоаналитического и социологического изучения (Эллиас, 2001; *Bauman*, 1979).

Последний вопрос, который мне бы хотелось затронуть в этой статье, как раз и связан с темой социального Супер-Эго и продуцируемого им вытеснения. Майкл Растин цитирует подкупающую в своей простоте мысль З. Баумана о том, что Фрейд боролся с чрезмерным вытеснением сексуальных импульсов, в то время как в современном обществе мы сталкиваемся с последствиями недостатка вытеснений. Не последнюю роль в данном переходе сыграли З. Фрейд и его детище – психоанализ. Результатом становится наш новый страх перед неконтролируемой сексуальностью, столь заметное сегодня пристальное внимание к теме насилия и злоупотреблений. Признаюсь, у меня возникли сложности с восприятием этой идеи.

Прежде всего достойно удивления, что Фрейд начинал свою работу как раз с той точки, в которой мы находимся сейчас: теории соблазнения, страхов перед ужасными последствиями тех или иных форм сексуальной активности (мастурбации) и т. п. И такие критики психоанализа, как Дж. Мэссон, не против к этим позициям вернуться (*Masson*, 1984). Значит ли это, что во времена зарождения психоанализа было меньше вытеснений? Вряд ли кто-то с этим согласится. С другой стороны, кажется невероятным сложным судить о запретах и вытеснениях собственной культуры, ведь мы все являемся одновременно их субъектами и объектами, а собственные ограничения полагаем разумно обоснованными. Безусловно, как отмечает Бауман, сегодня «локус» социальных тревог в отношении сексуальности изменился – он расположен во взрослом в отношении ребенка, а не в самом ребенке (и шире – всегда во внешних факторах). Однако стоит задуматься: столь ли уж нов этот взгляд и в каком смысле он может означать отмену вытеснений? Не проще ли предположить, что мы имеем дело «всего лишь» с новой формой социального нормирования сексуального поведения, связанной с распространением «культуры обиды», как характеризуют современное положение дел некоторые историки эмоций (Зорин, 2020), новой идеологией невинности/совращения?

Рассмотрим внимательнее некоторые из наиболее значительных социальных исследований сексуальности. Должен сказать, что я не обнаружил в доступных мне текстах Баумана идеи «недостатка вытеснений» в той форме, которую приводит М. Растин. В двух работах – книге «Индивидуализированное общество» (Бауман, 2005/2001) и статье *Freudian civilization revisited – or whatever happened to the reality principle?* (*Bauman*, 2009) – Бауман обсуждает данную проблематику довольно сходным образом, но с некоторыми важными отличиями. В обоих текстах фиксируются изменения в нашем отношении к сексуальности и/или самом сексуальном поведении, характерные для эпохи «текущей модерности», как называет ее автор. Во-первых, это высвобождение эротизма, его отделение как от задач репродукции, так и от привязки к любви. В этом месте анализ Баумана близок к наблюдениям других авторов –

от эссеистических зарисовок О. Паса до идеи Э. Гидденса о современной «пластичной сексуальности», связанной с «рефлексивным проектом самости», – но с гораздо большим акцентированием беспрецедентной свободы поиска сексуальных наслаждений. «...[Э]ротизм позднего модерни-ти, или постмодернити, выглядит беспрецедентным, кажется воплощением прорыва и новизны. Он не вступает в союз ни с сексуальным воспроизводством, ни с любовью, провозглашая полную независимость от обоих и категорически отказываясь нести ответственность за то влияние, которое он может оказать на их судьбу; он гордо и смело объявляет себя единственной и достаточной причиной и целью. ...Сегодня... самодостаточность эротизма, свобода поиска сексуальных удовольствий ради них самих поднялись до уровня культурной нормы...» (Бауман, 2005/2001, с. 280). Эта захватывающая картина сексуальной свободы вызывает лишь один вопрос: где? В каких либертарианских сообществах, на каких уэльбековских «островах» автор обнаружил ее (если отвлечься от весьма специфических интернет-ресурсов)? Конечно, кабинет психоаналитика – не самое удобное место для полевых исследований, но все же он оснащает нас хоть какими-то эмпирическими данными. Диагноз же Баумана в данном случае выглядит исключительно умозрительным¹.

Вторая характеристика сексуальности постмодернити выглядит более убедительной (и, надо сказать, полнее проиллюстрирована примерами). Это исключительная озабоченность современного западного общества проблематикой сексуального насилия и, соответственно, безопасности, заметная в течение уже нескольких десятилетий. *Sexual-abuse panic*, как называет ее Бауман, занимает место страха перед мастурбацией, распространенного во времена зарождения психоанализа. Бауман подробно рассматривает проявления этой тенденции и ее последствия для разрушения связи между поколениями – любое действие или контроль взрослого в отношении ребенка становятся подозрительными. Он сочувственно цитирует Морина Фрили: «Если вы мужчина, вы, скорее всего, дважды подумаете, прежде чем подойдете к плачущему потерявшемуся ребенку, чтобы предложить свою помощь. Вы неохотно возьмете тринадцатилетнюю дочь за руку, чтобы перевести ее через опасный перекресток, и... вы удержитесь от того, чтобы сдать на проявку в Boots фото-пленку с кадрами, на которых изображены обнаженные дети любого возраста. Если бы "Чудесный малыш" вышел на экраны сегодня, наверняка были бы устроены пикеты. Если бы "Лолита" была впервые опубликована в 1997 году, никто бы не решился причислить ее к классике» (там же, с. 296)². Несколько сложнее обстоит дело с ее объяснением, а также

¹ Психоанализ так часто критиковали за недостаточность «эмпирической базы» теоретических обобщений, что нелишне вспомнить и встречные упреки. Как писал Р. Столлер в своей критике Фуко: «... "[С]оциальные науки" являются мертвецами в воде, философствованием в кресле, даже если кто-то оставляет кресло, чтобы пойти в библиотеку» (Stoller, 1996). Высказывание звучит довольно резко, но указывает на существенную проблему.

² Надо сказать, что одной из жертв этой паники стал психоанализ. Критика Фрейда с точки зрения пренебрежения им темой сексуальных злоупотреблений была одним из направлений атаки в период так называемых фрейдовских войн 80-х годов прошлого века (Masson, Robinson, Forrester).

со связью с вышеупомянутым торжеством эротизма. Если в более ранней книге «Индивидуализированное общество» Бауман критикует попытки объяснять трансформации сексуальности экономическими мотивами, то в статье *Freudian civilization* он довольно прямо к ним прибегает. Делается это посредством аргументации, позаимствованной у М. Фуко, для которого страх перед мастурбацией был выражением страха дисциплинарного общества перед предельно индивидуализированным сексуальным наслаждением³. Соответствующие этому запреты и практики эпохи модерна готовили индивида к роли солдата и работника, современное же общество нуждается в совершенно другом социальном агенте – человеке-потребителе. Именно задачей его формирования в конечном итоге объясняются, по мысли Баумана, культивируемые сегодня страхи перед насилием/воздействием и соответствующие им социальные нормы. (Если кто-то видит в этом объяснении некую логическую недостаточность, увы, на это нечего возразить.)

Что же касается связи двух выделенных автором тенденций трансформации сексуальности, то она выражена лишь в нескольких риторически изысканных формулировках: «Культура постмодернити превозносит удовольствия секса и призывает наполнить каждый уголок и трещинку жизненного пространства (*Lebenswelt*) эротическим смыслом. Это побуждает искателя острых ощущений, дитя постмодернити, полностью раскрывать свой потенциал сексуального субъекта. Но при этом та же культура однозначно запрещает рассматривать другого искателя ощущений как сексуальный объект. Проблема, однако, состоит в том, что в каждом эротическом общении мы являемся и субъектами, и объектами желания, и, как слишком хорошо знает каждый любовник, никакое общение невозможно без принятия партнерами обеих ролей или, что еще лучше, слияния их в одну. Противоречащие друг другу культурные послышки в неявной форме подрывают то, что в явном виде восхваляют и поощряют» (Бауман, 2004, с. 298–299).

Анализ Баумана во многих аспектах перекликается с работами таких исследователей данной темы, как Э. Геллнер и Э. Гидденс. Так, в коротком эссе «Фрейдовский общественный договор» Геллнер констатирует фундаментальное изменение в современном обществе – от принуждения к стимуляции. «Основная процедура социального контроля перешла от принуждения, вызванного страхом и угрозой голода, к общим стимулам экономического роста, более широкого участия всех и сокращения социальных расстояний... Новое общество стало менее требовательным, менее суровым и менее жестоким, чем предыдущее. Оно скорее подкупает, чем терроризирует, и в целом стало более снисходительным... Ослабление контроля, присущее этому новому порядку, распространяется и на сексуальную сферу» (*Gellner, 1995*). Геллнер не склонен преувеличивать влияние Фрейда и психоанализа на этот процесс, однако отводит

³ Отметим, что сходным образом отношение общества к индивидуальному сексуальному счастью оценивал и Фрейд, не фокусируясь, правда, при этом на каком-то избранном виде сексуальной активности.

им важную роль: «Идеи Фрейда о возможности небольшого уменьшения гнета совести, независимо от того, верны они или нет, не вызвали этих изменений: изменения, как мы указали, имели глубокие социальные корни. Но Фрейд предложил рациональную формулировку этих изменений» (там же). Иначе говоря, Фрейд помог сформулировать новый тип «общественного договора», подходящий либеральному обществу вседозволенности, процветания и потребления.

Наиболее масштабным исследованием темы, пожалуй, является работа Э. Гидденса «Трансформации интимности», в которой современные изменения сексуальной этики и поведения анализируются с опорой на эмпирические социологические данные, работы предшественников, а также с использованием некоторых психоаналитических идей. В данной статье нет места для детального рассмотрения взглядов Гидденса. В некоторых аспектах они близки идеям Баумана, однако во многих других расходятся с ними. В общей схеме исторического развития Гидденса модерн характеризуется нарастающей «секвестризацией опыта», превращением различных областей социальной и индивидуальной жизни в изолированные и аутореферентные системы. В области сексуальных отношений это выражается в освобождении сексуальности от задачи воспроизводства, что делает ее сексуальностью по существу, не подчиненной другим задачам. «Сексуальность не имела отдельного существования, пока сексуальное поведение было привязано к репродукции и деторождению», – утверждает Гидденс (Гидденс, 2004). Это изменение, называемое им «пластичной сексуальностью», приводит к сексуальным революциям позднего модерна, наиболее существенными из которых он полагает высвобождение в современном обществе женской сексуальности и гомосексуальности. Оба изменения имеют множество далекоидущих последствий, среди которых оказываются новая роль материнства, кризис мужественности, возрастающая роль интимности и романтической любви в семейных и вне-семейных отношениях и т. д.

Еще одним важным моментом работы Гидденса, фактически сквозным мотивом, является критика взглядов М. Фуко (которого столь сочувственно цитирует Бауман). Гидденс более или менее согласен с тем, что многие идеологи и критики раннего модерна (включая Фрейда) полагали, будто благополучие социальных институтов зависит от жесткого контроля сексуальности. Однако история опровергла это предположение – мы очевидно стали значительно свободнее в выражении множества своих сексуальных желаний без всякого ущерба для политических или экономических систем, институтов и прочего. Из этого, как считает Гидденс, вовсе не следует, что вся наша сексуальность создана некой анонимной властью и подчинена ее функционированию. Это не единственный аргумент Гидденса против теории Фуко, но один из наиболее важных, поскольку направлен против латентной идеологии социального (а в случае Фуко – дискурсивного) конструкционизма.

Обобщая вышеизложенные идеи, можно сделать вывод, что все рассматриваемые авторы сходятся в констатации серьезных изменений в сексуальной морали современного общества и сексуальном поведении его

членов. Ни одно из предложенных объяснений не предполагает возможности «бесшовного» сосуществования человеческой природы, сексуальности, и общества. Та или иная форма «подавления», «вытеснения», смесь «принуждения и убеждения» (Gellner, 1995) присутствует в любом обществе, и изучение этих конфигураций – одна из важных задач социологии, в решении которых она может продуктивно сотрудничать с психоанализом (Bauman, 1979; Rustin, 2016). Социальные исследователи любят критиковать Фрейда за «натурализм», а также за полагание универсальными законов общества, которые были исторически обусловлены и к сегодняшнему дню изменились. Отчасти этот упрек справедлив. Но в какой мере – вопрос все еще открытый. Во всех перечисленных работах можно обнаружить упоминания универсальных законов человеческой сексуальности, как и универсальных законов общественной жизни, звучащие вполне по-фрейдовски. Однако по большей части социальные теоретики стараются предложить исторически и культурно релятивистские объяснения тем психологическим феноменам, которые психоаналитики склонны полагать универсальными и природно заданными. Получается это не всегда изящно и последовательно. Так, например, из упомянутых работ можно извлечь как минимум три объяснения сегодняшней *abuse rapic*: это черта системы воспитания, призванной сформировать человека-потребителя (Бауман); это результат эмансипации женской сексуальности, подрыва мужской и ответной агрессивной реакции (Гидденс); это реакция на всплеск сексуальной свободы, возникшей в результате преодоления былых вытеснений (Растин).

Лучше ли подобные объяснения универсалистских притязаний Фрейда или нет и в чем именно? Безусловно, социальные исследователи помогают нам диагностировать текущие изменения в человеческом поведении, эмоциях, нормах и правилах, задуматься об их причинах и связях с существующим социальным порядком. Однако местами связи эти выглядят довольно натянуто. Например, идея Фуко (особенно в ее сжатом изложении Бауманом) о страхе перед мастурбацией как следствии задачи формирования человека-работника и солдата в обществе модерна напоминает объяснение дифференциального исчисления расцветом индивидуализма у А.Ф. Лосева. Сходным образом социологический анализ романа Дж. Барнса, с которого начинается книга Гидденса, явно недооценивает универсальную природу ревности во всех известных нам человеческих культурах.

Подобные объяснения отчасти напоминают вульгарный марксизм – как в его научных притязаниях, так и в вере в пластичность человеческой природы (критику которого Фрейдом Геллнер считает самой убедительной частью «Недовольства культурой»). Универсалистские размышления Фрейда все еще обладают потенциалом если не объяснения, то по крайней мере проблематизации. Почему все известные нам общества тем или иным образом стигматизируют, кодифицируют, подавляют те или иные формы сексуальной активности? Мастурбация, гомосексуальность, негенитальная сексуальность, промискуитет, секс, связанный с насилием, – выбор объекта стигматизации может быть любым и часто

с трудом объясним, но он показывает, что полная сексуальная свобода – не более чем утопическая фантазия. Далее – как соотносятся эти способы социального контроля и подавления с открытым психоанализом внутриспсихическим процессом вытеснения? Является ли второй всего лишь «интериоризацией» первого, как думают многие социальные теоретики (например, Эллиас), или же, напротив, в социальных процессах лишь вторично используется психологически необходимое вытеснение инфантильной сексуальности и других проявлений первичных влечений (что-то подобное подразумевал Маркузе в понятии прибавочного вытеснения (*surplus repression*))?

Кроме того, есть принципиально важный элемент фрейдовской картины человеческой природы и культуры в «Недовольстве культурой», который игнорируется или недооценивается большинством социальных интерпретаторов этой работы. От вопроса, как, почему и с какими последствиями культура ограничивает сексуальность, занимавшего Фрейда много лет, он обращается к совершенно новой теме: какова судьба человеческой деструктивности, ее проявления, культурные способы регуляции, исход ее борьбы с Эросом (в его ипостасях любви и идентификации)? Разве не звучат фрейдовские размышления в этом месте пророчески в отношении и современной обеспокоенности насильем? Разве замеченное в начале 1930-х годов «несовершенство учреждений» не откликается эхом в нашей сегодняшней обеспокоенности «контейнирующими» функциями наших институтов – от здравоохранения до политических систем? В контексте же теории самого Фрейда старый вопрос «почему Эго и Супер-Эго так боятся Ид?» получает новый и, по сути, более простой ответ: потому что оно наполнено не только влечениями жизни, но и влечениями смерти в их странных сочетаниях и комбинациях.

Линия рассуждений в данной статье, как и в ставшей для нее толчком статье М. Растина, началась с обсуждения влияния пандемии на современное общество, с идеи неравномерного развития современных общественных систем и далее перешла к темам переходных обществ, трудностей институциональных изменений и к проблеме современных трансформаций сексуальности. Думаю, все эти темы связаны не только тем, что психоаналитическое объяснение может обогатить их социальное исследование. Связующим моментом является также то, что любые социальные изменения – будь то революции или природные катаклизмы – сталкивают нас с ограниченной способностью существующих институтов контейнировать базовые человеческие тревоги. А в их объяснении трудно обойтись без темы деструктивности. В этом месте снова полезно вспомнить идею Норта о контроле социального насилия государством и о страхе утраты этой функции в переходные периоды. Проблема усугубляется тем, что старые институты могут оказаться не соответствующими новым вызовам или же новые институты могут расшатывать контейнирующую функцию старых. В глобализованном мире проблемы часто распространяются быстрее, чем способы совладания с ними, а выработка последних требует внимания к переходным состояниям неопределенности,

тревоги и реальных опасностей⁴. В любом случае осушение Зейдер-Зе, если воспользоваться фрейдовской метафорой, может оказаться опасной иллюзией, и об этом нашему нарциссизму время от времени напоминают эпидемии, климатические изменения или наша собственная сексуальная и смертоносная природа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
3. Зорин А. (2020) «Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными». <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi>.
4. Мамалуй А.А. Пост(недо)модерн, или со-вращение смысла // Філософія: класика і сучасність. Х., 1996.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
6. Норт Д. (1997) Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики. <http://www.finansy.ru/publ/north.htm>.
7. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011.
8. Пас О. Поэзия. Критика. Эротика. Эссе разных лет. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
9. Романов И.Ю. Психоанализ, общество и психоаналитики // Журнал практической психологии и психоанализа, т. 2, 2006/6, https://psyjournal.ru/articles/psihoanaliz-obshchestvo-i-psihoanalitiki?ID=2807&spphrase_id=68502.
10. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992.
11. Фрейд З. Психология масс и анализ Я // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2008.
12. Фукуяма Ф. О новой реальности и последствиях пандемии. Интервью на Visa Cashless Forum 2020. https://project.liga.net/projects/visa-fukuyama/?fbclid=IwAR2D3gS19wpgLnwVXt9GHnMnlIEYcB9rtxvC4JFWraMWYcfhi_vY6A5mZlY&_cf_chl_jschl_tk_=458b877e5aebf7319699d02542939a7d5431e258-1604084402-0-AZ2wNuhOoE-rsCBUtoowvxFzyfvpGrz6Xlm9OYzhNh4L1cuanC-nMQ_CFXxfEIob8ADGnFTkpaT5vrjzrMTpRc3UYre3ShA0j8GBxc1v64o5i0raPUEsxTvtX0mWNI7gVd0LztG29lc1RhUXeN8Dy-S-CY5eB4xALPmRAGxdYei1-X_Mkf5LSvtHrBep53bVWtkRo1kzqmhHgUalV1JpClzq2Pmw4GWeloBVĒvtUxbefne4iQNNhinl_aze3NrWyzkEaQjqZFL6SwNVcYk5IPiN1tlFJAGNci3mlaKrqTgMCye_ykGllNfn3-7TC1qhU3BD0f2suIvFVDuJy3vKK-R0tf9HWCKpdqZ7StESFuUEWDuTKQjxB9dLs2kD8AX4q_7LK75UQSCHyz9hAmCirLs.

⁴ Некоторым негативным последствиям распространения ценностей западной сексуальной либерализации в развивающихся странах посвящено исследование (Muniruzzaman, 2017).

13. Эллиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001.
14. *Armstrong D., Rustin M.J.* (eds.) (2014) *Social Defences Against Anxiety: Explorations in a Paradigm.* London, Routledge.
15. *Bauman Z.* (1979) The phenomenon of Norbert Ellias. In *Sociology*, Vol. 13, 1 January 1979, p. 117–125.
16. *Bauman Z.* (2003) *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds.* New York: Polity Press.
17. *Bauman Z.* (2009) Freudian Civilisation Revisited: or Whatever happened to the reality principle? *Journal of Anthropological Psychology*, No. 21, 2009, Department of Psychology Aarhus University, p. 1–9. https://psy.au.dk/fileadmin/Psykologi/Forskning/Forskningsenheder/Journal_of_Anthropological_Psychology/Volume_21/target.pdf.
18. *Beck U., Gernsheim E.B.* (1995) *The Normal Chaos of Love.* New Jersey: Polity Press.
19. *Dics H.* (1973) *Licensed Mass Murder: A Socio-Psychological Study of Some SS Killers.* New York, Basic Books Inc.
20. *Forreseter J.* (1997) *Dispatches from the Freud Wars: Psychoanalysis and Its Passion.* Harvard University Press.
21. *Gellner E.* (1995) Freud's social contract. In Gellner, E. (1995) *Anthropology and Politics: Revolutions in the Sacred Grove.* Oxford, Blackwell Publishers Ltd., p. 62–93.
22. *Giddens E.* (1991) *Modernity and Self-Identity.* Stanford (Cal.), Stanford Univ. Press.
23. *Grinberg L., Langer M., Rodrigué E.* (1957) *Psicoterapie del grupo, su enfoque psicoanalitico.* (Psychoanalytische Gruppentherapie. Stuttgart, 1960.)
24. *Jaques E.* (1955) The social system as a defense against persecutory and depressive anxiety. In: M. Klein, P. Heimann and R. Money-Kyrl (eds) *New Directions in Psycho-Analysis.* London: Tavistock. (First published as "On the dynamic of social structure". *Human Relations* 6, 10–23.)
25. *Joseph B.* (1997) Where there is no vision. From sexualisation to sexuality. In: Bell, D. (ed.) (1997) *Reason and Passion. A Celebration of the Work of Hanna Segal.* The Tavistock Clinic Series, London, Karnak Books, p. 161–174.
26. *Masson J.* (1984) *The Assault on Truth. Freud's Suppression of the Seduction Theory.* New York, Ballantine Books.
27. *Money-Kyrle R.* (1951) Some aspects of state and character in Germany // In Money-Kyrle, R. (1978) *The Collected Papers of Roger Money-Kyrle.* London, Clunie Press, p. 229–245.
28. *Muniruzzaman M.D.* (2017) Transformation of intimacy and its impact in developing countries. In *Life Sciences, Society and Policy.* <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28766186/>.
29. *Robinson P.* (1993) *Freud and His Critics.* Berkeley: University of California Press.
30. *Rosenfeld H.* (1971) A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: an investigation into the aggressive aspects of narcissism. In *International Journal of Psycho-Analysis*, 52:169–178.

31. *Rustin M.J.* (2016) Sociology and psychoanalysis, in A. Elliott and J. Prager (ed) *The Routledge Handbook of Psychoanalysis in the Social Sciences and Humanities*. London: Routledge, p. 259–277.
32. *Stoller R.* (1996) Notes on Foucault. *Psychoanalytic Review*, 83(1):11–20.

Imperfect institutions: pandemic, sexuality and society

I.Y. Romanov

Romanov Igor Yur'evich – a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of J.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V.N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor of “Era of countertransference”, an editor of translation of M. Klein, R. Hinshelwood’s, J. Steiner’s and other books, a Head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

The paper discusses some issues which were developed in M. Rustin’s paper “The Coronavirus Pandemic and its Meanings”. It investigates as the pandemic COVID-19 shows an uneven development of global social system and particular societies. An importance of psychoanalysis in exploration of social transformation consists in possibility to consider the defensive and containing functions of social systems, and the anxieties appeared after their collapse. Superego is considered as a psychic equivalent of social control function and its change in modern society is investigated on example of contemporary transformations of sexual ethics and behavior. The analysis of sociologic works on the topic shows some underestimation of late Freud’s theory of superego in light of his theory of death drive. Keywords: pandemic, sexuality, repression, containing, psychoanalytic sociology.